

Глава 1

ТАИНСТВА В ЦЕЛОМ

Приходит Он от Отца с семикратными дарами своими,
Изливая на души человеческие бесконечные богатства Божьи.
Из церковного гимна «Salve festa dies»

Тайна таинств находится в самом сердце христианской церковной жизни. Ибо именно посредством церкви и таинств Бог Отец через Своего Сына действием Святого Духа сообщает Свою божественную жизнь Своему народу. Хотя Бог не связан этими действительными священными знаками, установленными Его Сыном, в целом именно посредством таинств Он соприкасается с жизнью Своих верных. В этой главе вводятся некоторые общие темы, касающиеся всех таинств, с целью облегчить понимание каждого таинства, когда оно будет объясняться отдельно; здесь также указывается то, что лежит в основе таинственного понимания христианского опыта.

Христос – таинство Отца

В известном смысле таинственная динамика имеет начало во внутренней жизни Пресвятой Троицы. Это – инициатива Бога. Однако прежде системы таинств должно существовать материальное творение, которое, в свою очередь, делает возможной тайну воплощения. В самом сердце Своего плана спасения Бог приготовил домостроительство таинств. Христос пришел, чтобы проявить и сделать явной для людей жизнь и любовь Святой Троицы. Христос есть таинство Отца, тот, кто послан Отцом и кто делает Его видимым силой Святого Духа. В этом смысле тайна таинств укоренена в тайне Пресвятой Троицы. Однако эта тайна есть добровольный дар, так как Бог никогда не связан ни внешней, ни внутренней необходимостью творить и не обязан делиться Своей жизнью и любовью.

Прежде чем браться за тему воплощения, в качестве логического и онтологического основания всякого богословия необходимо рассмотреть догмат о творении, первый пункт символа веры. Этот первый шаг важен и по причине фундаментального различия между иудеохристианским взглядом на творение и иными подходами. Христианское видение отличается порядком, логичной последовательностью, рациональностью, благостью, временной линейностью, отказом от суеверий, оно смотрит на людей как на распорядителей творения. Древним и новым языческим подходам часто присущи хаотическое видение реальности, идея о том, что материя есть зло, а также циклическое восприятие истории. Христианскому же взгляду на творение присущ здоровый философский реализм, который является необходимым основанием домостроительства таинств. Богословие таинств тесно связано с реалистическим подходом к пространству и времени.

Сотворение мужчины и женщины дает дальнейшее основание для понимания таинств. Ведь человек есть существо как материальное, так и духовное, в нем есть как внешнее, так и внутреннее, как видимое, так и невидимое. Поэтому, чтобы отвечать человеческой природе, эти же элементы должны присутствовать в таинствах и в литургии. Коль скоро таинство есть внешний знак внутренней благодати, оно соответствует составному характеру человеческой природы – материальной и в то же время духовной. В таинствах используются материальные элементы, например, вода, вино, хлеб, елей. Система таинств созвучна природе человека как состоящего из тела и души, материального и духовного, внешнего и внутреннего.

Внешние знаки таинств стали возможны лишь благодаря творению и имели различные прообразы в Ветхом Завете. Ветхий Завет включал такие важные знаки, как радуга (Быт 9:11-17), обрезание (Быт 17:6-13), Пасха (Исх 12), скрепление завета кровью тельцов (Исх 24:1-11), скиния (Исх 29:43-45) и Храм (3 Цар 6). Священные знаки были дополнены и развиты в Новом Завете, что выражало власть Христа и его Царства, проявлявшуюся, например, в таких эпизодах-прообразах святой евхаристии, как превращение воды в вино на брачном пире в Кане (Ин 2:1-12) и насыщение пяти тысяч (Ин 6:1-15).

В христианском представлении воплощение сообщает новый смысл творению и истории и сводит воедино трансцендентность и имманентность Бога. Христос – вне времени, и все же в нем встречаются время и вечность. Христос-Богочеловек есть тайна и откровение. Следовательно, таинства должны опираться на два фундаменталь-

ных момента: на природу мужчины и женщины и на тайну воплощения. Поэтому таинства – это гармоническое слияние внешнего и внутреннего, материального и духовного, человеческого и божественного, благодати и природы. Однако домостроительство таинств должно также учитывать реальность греха и зла, конкретные формы падения, первородный грех и грех совершённый, болезни, страдания и смерть. Христос пришел исцелить и искупить падшего человека. Творение и воплощение как следствие грехопадения следует рассматривать в свете искупления и пасхальной тайны. Восточные отцы церкви смотрели на таинства именно как на целительные средства, применяемые Христом, божественным целителем.

Церковь – таинство Христа

Христу было угодно основать церковь и ее таинства. Таинства всегда рассматривались в соотнесенности с церковью, тем не менее понимание этой связи богословская мысль развивала и продолжает развивать до сих пор. Об этом свидетельствуют ранние церковные споры о нехристианских служителях крещения или о действительности таинств, преподаваемых некаатоликам. Очень плодотворно смотреть на саму церковь как на таинство, применяя при этом тот же термин и к семи таинствам. Поместив таинственное домостроительство в контекст церкви как таинства Христа, мы прольем свет на периодически возникающую тему соотношения между индивидуальным и общинным аспектами в отражении таинств. Таинства по сути церковны, и устранить напряжение между индивидом и общиной можно лишь в этой перспективе. Взгляд на таинства в контексте церкви также указывает, что они суть проявления власти Христа, теофания, в которой проявляются любовь и присутствие Бога. Они – привилегированное место встречи с Богом в сегодняшнем мире.

Единство Христа и церкви, установленное искупительным воплощением, формирует базис для действительности таинственной системы. Это тринитарное домостроительство таинств уже присутствует в Посланиях Павла: «(Он открыл) нам тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем» (Еф 1:9)*. Постепенное

* Здесь и далее – синодальный перевод. – Прим. пер.

развертывание тайны откровения – это основа для понимания той роли, которую церковь продолжает играть в его домостроительстве: «И бесспорно – великая благочестия тайна: Бог явился во плоти...» (1Тим 3:16).

Английский эквивалент слова «тайна» – *mystery*, передающий греческое *mysterion* и латинское *sacramentum*, по смыслу родственен английскому слову *sacrament*, «таинство»¹. Это наводит на мысль, что основание церкви, если ее рассматривать как таинство (*sacrament*), есть одновременно и воплощение, и искупление, пасхальная тайна (*mystery*). В воплощении Христос являет тайну Святой Троицы. Искупление открывает путь для возобновления союза с Богом, утраченного вследствие греха. Христос – и Бог, и человек. Как Бог, он имеет власть устанавливать таинства; как человек, он сообщает эти таинства нам. Страдания, смерть и воскресение Христа открывают путь к Богу через церковь, которая есть таинство Христа. Развитие экклезиологии в XIX веке привело к пониманию церкви как изначального таинства. Богословие церкви как единого таинства развивали в прошлом столетии Дж. Г. Освальд и М. Й. Схебен. В XX веке развитие этой идеи продолжил О. Земмельрот¹. II Ватиканский собор принял этот подход, заявив: «Церковь составляет во Христе своего рода таинство, то есть знамение и орудие – глубокого единения с Богом и единства всего рода человеческого»². Концепция церкви как таинства придает смысл и другим образным определениям, например: народ Божий, мистическое тело Христа, Невеста Христова.

Модель церкви, лучше всего соответствующая духу нашей книги, – это образ брака, в котором Христос – жених, а церковь – мистическая Невеста. Эти символы основаны на подготовительных прообразах Ветхого Завета, – в частности, на образах жениха и невесты в Песни Песней, которые св. Ипполит, Ориген, св. Афанасий, св. Григорий Нисский, св. Бернард Клервоский, св. Иоанн Креста и другие отцы и учителя церкви интерпретировали как символы союза между Хрис-

¹ См. O. Semmelroth, *Die Kirche als Ursakrament*, Frankfurt am Main: Joseph Knecht, 1953.

² LG 1. См. также *ibid.* 9, 48; см. Св. Кириан, *Послание*, 69, 6, в PL 3, 1142.

* Подробнее о терминах *mysterion* и *sacramentum* см. в Б. Теста, *О Таинствах Церкви*, М.: «Христианская Россия», 2000. – Прим. редактора.

том и церковью. Брачная символика имеет множество применений, но особенно она соотносится с Христом и церковью (ср. Еф 5:32). Таким образом, одно из таинств – таинство брака – становится символом природы церкви как изначального таинства. Неизгладимая печать, налагаемая некоторыми таинствами, символизирует нерасторжимые узы, связующие Христа и его церковь. Христос заботится о своей Невесте посредством таинств, силой Святого Духа. Он очищает ее крещением, укрепляет миропомазанием и насыщает в евхаристии своим телом и кровью. Христос исцеляет грехи членов церкви в таинстве покаяния, облегчает их немощи в таинстве елеопомазания. Он служит своей мистической Невесте в таинстве священства и отражает свою любовь к ней в таинстве брака.

Понятие таинства

Определенные священные знаки в Ветхом Завете были предзнаменованиями того домостроительства таинств, которому положил начало Христос. В Новом Завете спасение и вечная жизнь сообщаются через материю и слово, как это явствует из брачной символики, применяемой св. Павлом к церкви: «(Христос освятит) ее, очистив банею водною посредством слова» (Еф 5:26). Эта божественная жизнь, сообщаемая в таинствах нового закона, есть исполнение ветхозаветных обетований: «Кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!» (Евр 9:14).

Использованные св. Павлом брачные образы в отношении Христа и его церкви включают термин «тайна», который можно интерпретировать по-разному (см. Еф 5:32). Греческое слово *mysterion*, которое означает здесь «тайну», происходит от слова *muo*, т. е. «закрывать рот». Выражение *mysterion* в Библии соотносится с чем-то скрытым, с секретом или тайной, а в раввинистических писаниях оно означало мистический или скрытый смысл ветхозаветных речений или образов, являющихся в видениях. В свою очередь, латинское слово *sacramentum* выбрано в Вульгате как эквивалент слова *mysterion*. Английское слово *sacrament* – это перевод латинского слова, которое для ранних христиан означало нечто священное, секретное, а также посвящение в некое особое служение. У римлян это слово специфичес-

ки обозначало присягу, которую приносил солдат, поступая на службу к императору. Тертуллиан (знарок традиций римского права) одним из первых применил это слово в контексте христианских обрядов, особенно – обрядов посвящения.

Прежде чем церковь достигла единого взгляда на таинства, прошло около одиннадцати веков. В течение этого времени назрела необходимость провести различие между таинствами и другими священными реалиями в жизни церкви. Греки, следуя александрийской школе и трудам Климента Александрийского и Оригена, употребляли слово *mysterion* или – во множественном числе – *mysteria*. Они мыслили платоновскими категориями, а в соответствии с ними чувственный мир – это мир образов и символов, выше которых находится истинный мир божественных идей. Ориген применял слово *mysterion* к крещению и евхаристии, а к началу IV века это употребление стало всеобщим. В конце IV века св. Иоанн Златоуст использовал для обозначения святой евхаристии слово «тайны», или «мистерии». К несчастью, в некоторых языческих обрядах, например митраистских, культ обозначался также словом *mysteria*. По мере того как языческие религии сходили на нет, слово *mysteria* стало все больше и больше применяться и на Западе, так что для обозначения понятия «таинство» на латинском Западе вошли в обиход два слова: *sacramentum* и *mysterium*³. Постепенно на Западе одно из этих двух слов, а именно *sacramentum*, закрепилось за обрядами, в то время как *mysterium* стали применять для обозначения реальностей веры и спасения как таковых, например, «тайна Святой Троицы».

Позже на Западе имели место споры, в которых было уточнено использование термина *sacramentum*. Св. Августин провел важное различие между знаком (*signum*) и содержанием (*res*). Это различие было использовано в борьбе против донатистов. Донатисты появились в результате диспута между кафедрами Рима и Карфагена относительно «перекрещения» отступников и еретиков. Св. Киприан и Карфагенская церковь считали, что отступников надо крестить заново. Папа Стефан I возражал против этого, так как это было отходом от традиции церкви. В 256 г. папа Стефан написал Киприану, заявив,

³ Иллюстрацией к этому факту служит то, что св. Амвросий включал в свои писания оба термина – *De Mysteriis* и *De Sacramentis*: см. Св. Амвросий, *De Mysteriis*, в *PL* 16, 389–410; idem, *De Sacramentis*, в *PL* 16, 409–462.

что, согласно традиции, примирение еретиков следует осуществлять в таинстве покаяния, а не посредством перекрещения⁴. Впоследствии, в IV и V вв., донатисты выступили в Северной Африке, отрицая ту истину, что крещение совершается раз и навсегда. Донатисты, веря, что необходимо перекрещение, переосмыслили доктрину крещения на свой лад, утверждая, что поскольку у них есть таинство крещения (а этого нельзя было отрицать после сказанного Стефаном I), то они – церковь Христа. В этом контексте св. Августин сделал для слова *sacramentum* уточнения, которые с тех пор и сохраняются. Св. Августину пришлось провести различие между знаком таинства (*signum*) и содержанием благодати (*res*). Согласно этой формулировке, донатисты действительно получали таинство, но не его благодать, так как они полагали препятствия на пути истинной церкви Христа.

Св. Августин подчеркивал видимый, знаковый аспект таинства и его отношение к той духовной реальности, которую оно означает. Дальнейшее развитие богословия таинств продолжалось и в Средние века. Исидор Севильский (ум. в 636 г.) еще более резко, нежели Августин, разделял знак и реальность; хотя он употреблял слово «таинство» во многих смыслах, он первый предложил назвать этим словом общую картину крещения, миропомазания и евхаристии⁵. Таким образом, св. Исидор послужил в богословии таинств мостом, связующим св. Августина и средневековую мысль. Гуго Сен-Викторский понимал таинства как своего рода сосуды, содержащие жидкость: «Таинство – это телесный или материальный элемент, явленный внешне, который представляет по подобию, означает по установлению и содержит по освящению определенную духовную и невидимую благодать»⁶. Около 1150 г. Петр Ломбардский пришел к своему знаменитому определению в четвертой книге «Сентенций»: «Таинством именуется, собственно, такой знак благодати Божьей и такая форма благодати невидимой, что оно есть, в то

⁴ Письмо папы Стефана I Киприану Карфагенскому, в: *XB* 680 / 1.

⁵ См. A. Miralles, *Il tragitto patristico-medievale fino alla definizione classica di sacramento*, в *Annales theologici* 10, 1996, 337.

⁶ Гуго Сен-Викторский, *De sacramentis christianae fide*, lib. I, pars IX, cap. 2, в *PL* 176, 317: «...definire potest quod sacramentum est corporale vel materiale elementum foris sensibiliter propositum ex similitudine repraesentans, et ex institutione significans, et ex sanctificatione continens aliquam invisibilem et spiritualem gratiam».

же время, и образ их, и причина»⁷. Эти идеи указали путь Фоме Аквинскому, который определял таинство в собственном смысле слова как знак священной реальности в той мере, в какой она освящает человека⁸. Тридентский собор подхватил идеи Августина и Фомы, рассмотрев таинство как «видимую форму невидимой благодати»⁹. Традиционно таинства понимаются как внешние знаки внутренней благодати, установленные Иисусом Христом. Не так давно они были определены как «действенные знамения благодати, установленные Христом и вверенные церкви», как «дивные дела Божии» в новом и вечном завете¹⁰.

Богоустановленность таинств

Церковь с ее важнейшими сокровищами непосредственно основана Христом-Спасителем. Среди этих сокровищ – богодухновенное Слово Божье, папство и таинства. В большинстве случаев в Новом Завете, когда сообщаются подробности относительно установления Христом того или иного таинства, имеется ссылка на то, установлено оно до первой Пасхи или после нее. Причина этого в том, что допасхальное установление закладывает основание таинства, в то время как послепасхальное установление разворачивает таинство во всей его полноте. Только после совершения Пасхальной Тайны таинства становятся полностью действенными, так как они получают свою силу от Христовой жертвы и от Христова воскресения. Если таинства суть знаки, посредством которых результаты Христова искушения проявляются в жизни отдельных людей и в церкви в целом, то, поскольку Христос – единственный Спаситель человечества, только он один и располагает властью устанавливая эти священные знаки. В том и состоит догмат веры, что каждое таинство божественным образом установлено Иисусом Христом¹¹. Конкретные детали этого божественного установления будут рассмотрены особо для каждого таинства.

⁷ Петр Ломбардский, *Sententiae in IV libris distinctae*, lib. IV, dis 1, cap. 4: «Sacramentum proprie dicitur, quod ita signum est gratiae Dei et invisibilis gratiae forma, ut ipsius imaginem gerat et causa existat».

⁸ См. Св. Фома Аквинский, *Summa Theologiae* III, q. 60, a. 2.

⁹ Тридентский собор, 13-я сессия, *Декрет о пресвятой евхаристии*, глава III, в *XV* 738.

¹⁰ См. *ККЦ* 1131, 1116.

¹¹ См. Тридентский собор, 7-я сессия, *Декрет о таинствах*, канон 1, в *XV* 663.

Учение о том, что все таинства – это часть залога откровения, резко контрастирует с заблуждением модернизма, что таинства лишь «развились» и были введены в жизнь церкви как средство пробудить веру; это заблуждение было осуждено в прошлом столетии¹². Не соответствует истине и теория К. Ранера, в которой он предполагал, что Христос установил некоторые таинства лишь имплицитно, «включив» их в основание церкви как в изначальное таинство¹³. Христос установил таинства, наделив их благодатью и снабдив внешним обрядом, эту благодать знаменующим. Однако очевидно, что многие аспекты внешней обрядности были предоставлены церкви для более полного определения, а дискуссия о материи и форме отдельных таинств (таких как миропомазание и священство) продолжалась много столетий. Учение о том, что Христос положил начало домостроительству таинств и особым священным обрядам, подводит к тому факту, что было установлено всего семь таинств.

Число таинств

Тот факт, что таинств семь, есть часть залога веры; однако церкви понадобилось некоторое время, чтобы осознать эту истину. В ранние века никогда не отрицалось, что каждое из семи таинств истинно, но и некоторые другие знаки также считались «таинствами». Причина этого отчасти в том, что в патристическую эпоху, как мы видели, выражения «таинство» и «тайна» все еще использовались в широком смысле. Так, святая вода, изгнания бесов и чтение вслух «Отче наш» именовались таинствами (*sacraments*). Позже они получили название *сакраменталий*. В то же время многие отцы писали трактаты об отдельных таинствах. Например, Тертуллиан писал о крещении, миропомазании, евхаристии, священстве и браке. Св. Августин не раз перечислял все таинства, кроме елеопомазания больных (соборования). Тем не менее в тот же период, в 416 г., папа Иннокентий I написал послание Декентию, епископу Губбийскому, о сущности елеопомазания¹⁴.

¹² См. осужденные модернистские заблуждения в Декрете *Lamentabili* Священной Канцелярии 1907 г., в *XV* 677–678. В том же году энциклика папы св. Пия X *Pascendi Dominici Gregis* (см. ND 1327) осудила то заблуждение, что таинства – это якобы знаки, которые развивались в церкви с целью пробуждать веру.

¹³ См. K. Rahner, *Theological Investigations*, v. IV, London: Darton, Longman & Todd, 1965, 274.

¹⁴ См. Послание папы Иннокентия I Декентию Губбийскому, в *XV* 875–876.